

В христианском сознании воскресение Лазаря воспринималось как прообраз воскресения Христа. В похвальных «словах» Иоанна Златоуста и Климента Словенского Лазарь называется «вторым предтечей», «прообразом трехдневного воскресения Христова». Тема воскресения Лазаря служит прелюдией к теме воскресения Христа, а последняя часто связывается, например в иконописи, с темой сошествия во ад.

Каждое евангельское событие как бы подчеркивает святость и высоту Христа, и Лазарь, прокаженный, слепой и другие персонажи Евангелия освещаются его светом. Вот почему в «Слове о Лазаревом воскресении» само событие воскресения Лазаря, т. е. фабула, становится узлом сюжетных нитей и объединяет противоположные стилистические настроения и элементы разных жанров.

Тексты краткой редакции (плач Адама с мольбой о спасении) часто переписываются наряду с апокрифическими сочинениями Евсевия и Епифания, сказанием Исаяи «о последних letech», отрывками из Евангелия Никодима и др. Апокрифический характер сочинений о последних днях Христа предоставлял, по-видимому, большую жанровую свободу. Несмотря на то, что среди апокрифов мы встречаем евангелия, сказания, поучения, легенды, молитвы, плачи, духовные стихи, т. е. произведения самых разных жанров, можно думать, что уже для древнейших апокрифов все же существовал определенный жанровый круг. Может быть, это обуславливалось тем, что апокрифическая литература всегда была тесно связана с народным сознанием, с фольклорными источниками.

Многие фольклорные мотивы проникали в письменность, в апокрифы, а потом снова возвращались в народную среду уже в форме христианских легенд, духовных стихов. «Потребность веры была в то время так сильна и разнообразна, что не было недостатка в лицах, готовых веровать в творения, лишь бы они носили имена апостолов и мужей апостольских».¹⁶ Говоря о месте и значении апокрифических представлений в древнерусской культуре, П. С. Богословский сводил их историческую роль к тому, что «они, переплетаясь с народными исконными представлениями, являются связующим звеном между письменностью и устным народным творчеством».¹⁷ Вопрос о роли и значении апокрифики для древнерусской литературы в целом требует особого изучения. Для нас важно то, что апокрифические мотивы — одушевление ада, спор ада и сатаны, фигура Лазаря в аду — искусно вплелись в произведение, построенное в рамках, казалось бы, строго официального жанра. Но сильнее всего «еретическая» мысль — идея сомнения в справедливости божьего суда — выразилась в плаче Адама, который уже в раннее время существования «Слова» выделился из него и образовал особую, краткую, редакцию. А пространная редакция получила христианско-церковную обработку и в более поздних списках превратилась в торжественно-риторическое прославление Христа. Она конкретизировала христианскую идею спасения, мольба о котором звучит в страстном монологе Адама. И. П. Еремин показал, что для торжественного красноречия характерен распад «повести», входящей в состав «Слова», на отдельные фрагменты, отступления, и что в этих отступлениях автор часто заменяет рассказ монологом. При этом И. П. Еремин привел в качестве примера «слова» Ки-

¹⁶ Е. Барсов. О воздействии апокрифов на обряд и иконопись. — ЖМНП, 1885, т. XII, стр. 99.

¹⁷ П. С. Богословский. Об апокрифических представлениях в древнерусском творчестве в связи с изучением литературного прошлого Пермского края. — Пермский краеведческий сборник. Вып. II. К десятилетию Пермского университета. Пермь, 1926, стр. 24.